

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МОДЕЛЕЙ ПУБЛИЧНОСТИ Х. АРЕНДТ И Ю. ХАБЕРМАСА В КОНТЕКСТЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Н. П. Галимова

*кандидат философских наук, доцент, доцент БрГУ им. А.С. Пушкина
Беларусь, Брест*

В статье проводится анализ концепций публичности, разработанных Х. Арендт и Ю. Хабермасом, выделяются их сходства и отличия, сильные и слабые стороны. Изучение подходов указанных учёных к публичной сфере позволяет глубже понять процессы, протекающие сегодня в рамках информационного обмена, формирования повестки дня и нарративов современной коммуникации как между отдельными личностями, так и применительно к обществу в целом.

Ключевые слова: частное и публичное, диалоговое пространство, коммуникация, информационная среда, легитимация, трансформация ценностей, личность и государство.

Abstract: the article analyzes the concepts of publicity developed by H. Arendt and J. Habermas, highlights their similarities and differences, strengths and weaknesses. The study of the approaches of these scientists to the public sphere allows a deeper understanding of the processes taking place today in the framework of information exchange, the formation of the agenda and narratives of modern communication both between individuals and in relation to society as a whole.

Key words: private and public, dialogue space, communication, information environment, legitimation, transformation of values, personality and state.

Стремительное развитие информационных технологий и средств массовой коммуникации привело к появлению глобальных проблем, связанных с ролью и местом средств массовой информации в информационной безопасности государства. В условиях современной цифровизации, где информация стала важнейшим ресурсом развития, а многочисленные процессы в обществе определяются информационной средой, повышается целенаправленное, неправомерное воздействие на неё со стороны внешних и внутренних источников, которые могут нанести существенный ущерб стабильности и суверенитету.

Глобальная и локальная медиасреда охватывает социальные институты, духовную и материальную культуру, общественное сознание, всё то, что социализирует и окружает человека ежедневно. Через посредничество средств массовой коммуникации – печать, телевидение, радио, электронные медиа, блогосфера, социальные сети, а также многообразие информационных каналов, журналистов, инсайдеров, неформальных коммуникаций, она связывает людей с окружающим миром, информирует, оказывает идеологическое, нравственное, эстетическое, организационное и экономическое воздействие на поведение, мнение, суждение и оценки с помощью генерируемых инфоповодов [1, с. 59]. Информационная безопасность тесно связана с проблемой публичности.

Говоря о сходствах и различиях концепций публичности, выдвинутых Х. Арендт [2] и Ю. Хабермасом [4], прежде всего хотелось бы отметить, что одним из ключевых критериев публичности Арендт представляет так называемый «общий мир», который воспринимается как некая общая площадка для переговоров, на которую все люди в качестве самостоятельных акторов выносят тот или иной предмет для обсуждения. Результат подобного обсуждения или «выставления на свет» определяет релевантность, т. е. «настоящность» предмета.

В данном аспекте имеет место сходство анализируемых концепций публичности. Ю. Хабермас также ведёт речь о функции публичности, «имеющей отношение к учреждению норм, или законов... по мысли Хабермаса, начиная с Нового времени... ни один закон больше не принимается без обсуждения – парламентариями, с одной стороны, и представителями гражданского общества, или широкой общественности, с другой» [4]. «Успех измеряется одобрением, изъявляемым гражданами в адрес тех или иных лиц и программ, и определяемым по числу голосов избирателей» [3]. Таким образом, публичная сфера воспринимается обоими авторами как общее пространство, функция которого заключается в осуществлении диалога. Посредством данного диалога осуществляется верификация, легитимация чего бы то ни было.

Вместе с тем, в контексте данного процесса, Ю. Хабермас выделяет ещё одну функцию публичности – контроль. В отношении государственных институтов именно контроль наделяет публичность силой легитимации, признания [3].

Следующий аспект, на который хотелось бы обратить внимание, это соотношение публичного и частного в концепциях Арендт и Хабермаса. Согласно воззрениям Х. Арендт, публичность как общий мир, с одной стороны, связывает людей, а, с другой – разделяет. У каждого индивида сохраняется своя сфера интимности как своеобразный антипод публичности. В этой сфере каждый субъект сохраняет свой «диапазон субъективного чувствования и частного ощущения» [2]. В свою очередь, Хабермас воспринимает частную (частную) сферу как элемент публичной сферы; первая «оказывается интегрирована в публичную сферу, в результате чего и происходит приращение задач публичной сферы и трансформация целей, ради которых она существует» [4]. Таким образом, в обеих теориях присутствуют категории «публичное» (общее) и «частное» (частное), однако в теории Хабермаса не проводится разграничения между «светом» публичного и «тьмой» частного, скорее здесь целесообразно говорить о различных уровнях публичного.

Ещё одним важным нюансом является определение момента наиболее яркого оформления публичной сферы. Следует оговориться, что, по мнению Х. Арендт, общий мир существовал всегда, до нас, во время нас и после нас, однако в своей концепции она апеллирует к греческому полису как наиболее яркому образчику публичности. В Новое время, по мнению Арендт, публичность утратила свой функциональный смысл. Общий мир лишился той степени доверия, которая раньше имела место, каждый человек стал более свободен в своих суждениях и оценках, не нуждаясь более в публичности для их верификации. Кроме того, в Новое время каждый стремится выйти в сферу публичного не для того, чтобы обсудить какой-либо предмет, а для того, чтобы получить признание своей субъективной позиции.

Ю. Хабермас, наоборот, приписывает Новому времени качественно новый этап в развитии публичности, в рамках которого европейская буржуазия заменила императивный способ организации общества и принятия решений на диспозитивный, построенный на диалоге.

Здесь необходимо указать ещё на одно различие в теориях публичности Х. Арндт и Ю. Хабермаса. У Арндт в публичной сфере люди выступают как равные, но при этом уникальные личности. При этом преобразование в «Кто» происходит через проявление личной инициативы, хоть и подразумевающей определенную смелость субъекта, но не обусловленную каким-либо принуждением или объективной необходимостью. Все зависит от желания отдельно взятого уникального человека, равно как его действия и – в особенности – слова присущи только ему в рамках «бытия-вот-этим-и-никем-другим». У Хабермаса же индивиды в пространстве публичности образуются в публику, при этом «выработка общих законов возможна только тогда, когда частные лица обсуждают свои вопросы или формулируют свои интересы в качестве общезначимых, т. е. касающихся всего общества». Таким образом, верификация частных интересов в общем пространстве публичности происходит не напрямую, а через опосредование частных интересов публичными, их интеграцией в общезначимый предмет обсуждения.

В данном случае имеется в виду следующее: Х. Арндт делает акцент на том, что каждый человек выходит в сферу публичного со своим, индивидуальным и неповторимым словом и делом. Именно здесь каждый становится «тем самым и никем другим», становится «Кто». Подтверждается это и тем, что, по Арндт, каждый вплетает в полотно истории свою нить. Несколько утрируя данную модель, её можно представить следующим образом: на общей площадке переговоров – пусть это будет парламент – собралось множество депутатов, каждый из которых выносит на обсуждение и оценку свою идею. У Ю. Хабермаса же акцент делается на том, что индивидуальное опосредуется публичным еще до стадии верификации, т. е. в данном примере, до вынесения на обсуждение депутаты со своими предложениями объединяются в парламентские фракции и выставляют на всеобщее обсуждение уже некую общую идею. В связи с указанными нюансами более приемлемой представляется модель публичности, предложенная Ю. Хабермасом. Это, тем не менее, не означает, что положения теории Х. Арндт отвергаются в принципе. Так, публичная сфера наиболее явно приобрела свое функциональное значение как инструмент легитимации законов именно в Новое время. Однако греческий полис, безусловно, является традиционным образцом демократии, публичным принятием политических и властных решений через институты непосредственной демократии.

Кроме того, более приемлемой представляется позиция, согласно которой частное и публичное не противопоставляются, а интегрируются в единую структурированную систему. При этом в современном государстве интересы большинства объективно превалируют над интересами единиц, а всеобщее благо де-факто является более важным, нежели «особое мнение». Так, например, для внесения законопроекта в соответствующий государственный орган либо для проведения референдума, необходимым условием является сбор большого количества подписей граждан.

В данном случае хотелось бы сделать акцент на том, что Х. Арендт рассматривает приватное и публичное в качестве антиподов, как «тьму» и «ярчайший свет». В то же время Хабермас рассматривает публичное как «молекулу» общего. В связи с этим важным моментом является то, что частная собственность и личные свободы рассматриваются как структурный элемент публичного.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что публичные интересы суть трансформированные частные интересы. То есть верификация, одобрение, предположим, закона происходит путем высказывания множества частных мнений, субъективных оценок. Например, в рамках избирательного процесса каждый индивид высказывает свое личное субъективное мнение, оказывая влияние на сферу публичного из сферы приватного.

Кроме того, в современных условиях справедливым представляется тезис Х. Арендт о том, что сфера публичного зачастую используется для получения признания. Об этом свидетельствуют такие институты, как лоббизм. В то же время, «выход в публичную сферу знаменует трансформацию частного человека во всеобщего, т. е. такого, который, несмотря на уровень достатка и влияния в обществе, равен любому другому участнику публичного обсуждения в умении аргументировано доказать, что выносимые им на обсуждение вопросы имеют общезначимый характер и заслуживают всеобщего внимания» [4]. В качестве примера можно привести тот же избирательный процесс, когда вне зависимости от социального статуса и занимаемой должности все граждане имеют равный по силе один голос избирателя, т. е. выступают как носители равноценного мнения и получают равное право, как участники (избиратели) публичного обсуждения (выборов), доказать, что их точка зрения имеет значение (путем голосования).

Наконец, ещё одним достоинством концепции Хабермаса является то, что он рассматривает сам процесс верификации как процесс обязательный, обладающий «легитимирующей силой». «Последовательно проводимый политический дискурс, – пишет Ю. Хабермас, – обладает обязательной силой также и в отношении способа осуществления политического господства. Административная власть может применяться только на политической основе и в рамках законов, создаваемых в ходе демократического процесса» [3]. В самом деле, процессуальное регулирование не менее важно, нежели принимаемые в результате обсуждения материальные общеобязательные нормы поведения.

Список источников и литературы

1. Кириллова, Н. Б. Парадоксы медийной цивилизации: избранные статьи / Н. Б. Кириллова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 150 с.
2. Арендт, Х. VITA ACTIVA или о деятельной жизни / Х. Арендт. – СПб. : Алетейя, 2000. – 437 с.
3. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2001. – 419 с.
4. Шпарага, О. К вопросу о генезисе политического, или об эстетических условиях существования нетиранического общества / О. Шпарага // Топос. – 2008. – № 3(20). – С. 5–27.